

ОТЗЫВ
официального оппонента о диссертации Чанг Джуй Ченга
«Метафоризация в художественном тексте»
(на материале произведений М. Булгакова и их переводов на китайский язык),
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности 10.02.19 – теория языка

Настоящее диссертационное сочинение посвящено разноспектному изучению авторских и языковых метафор, которые образуют текстовое метафорическое поле произведений М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и «Собачье сердце».

Работа выполнена на пересечении таких **актуальных** научных направлений, как когнитивное моделирование, коммуникативный анализ художественного текста, учитывающий позиции адресанта и адресата, сопоставительная лингвистика и переводоведение. Именно комплексное исследование метафорического словаря писателя делает диссертационную работу **актуальной, теоретически и практически значимой в контексте современной метафорологии**.

В центре внимания автора диссертационного сочинения находятся механизмы метафоризации в художественном тексте. Метафорические выражения, организующие художественный дискурс, свидетельствуют о наличии метафорических моделей художественного осознания/интерпретации действительности автором текста. В.В. Виноградов писал о том, что метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем (1963 г.).

В современной метафорологии доминируют исследования метафорической картины мира – индивидуально-авторской, корпоративной (например, детской – см. труды А.М. Шахноровича), национальной, русской в сопоставлении с другими и пр. Параллельно им существуют описания текстовых функций, особенностей воздействия метафорической интерпретации действительности на адресата, а также специфических черт языковой личности в зеркале метафорической деятельности.

Представленный подход в изучении метафоры позволяют связать когнитивную и коммуникативно-прагматическую составляющие коммуникативно-языкового взаимодействия. Становится очевидным, что на смену подобному «размежеванию» приходит синтетический подход, на новом уровне объединивший усилия исследователей разных сторон метафорического языкового знака.

Итак, метафора рассматривается как компактная и информационно емкая модель синтезирующего типа, функционирующая в сфере художественной интерпретации мира. Кроме того, булгаковские метафоры исследуются с точки зрения переводоведения: оригинальная метафора и возможности и способы ее перевода на китайский язык. Автор диссертационного исследования анализирует не только существующие художественные переводы булгаковских произведений, но и предлагает в ряде случаев свои варианты, учитывающие все стороны сложного языкового знака, включая и особенности его семантического согласования (а ряде и случаев и рассогласования) (В.Г. Гак) с ближайшим и дальнейшим контекстом.

Как объект междисциплинарных исследований метафора является чуть ли не самым популярным феноменом: философы, психологи, филологи, культурологи рассматривают разные аспекты метафорической семантики, механизмов метафорообразования, действующей силы метафоры и ее тексто- и стилеобразующей функций. В аналитическом обзоре Чанг Джуй Ченга, подчиненном поставленным

задачам, осуществлен грамотный и мотивированный отбор существующих концепций, выбраны те положения, которые непосредственно работают на изучаемый круг проблем: когнитивная теория метафоры (В.Г. Гак, В.Н. Телия, Дж. Лакофф и М. Джонсон, А.П. Чудинов, А.Н. Баранов и др.), проблемы изучения художественного текста (с учетом интенций пишущего и восприятия адресата) и идиостиля писателя (В.В. Виноградов, Ю.Н. Караполов, Л.О. Чернейко, Н.А. Кожевникова и др.), ведущие работы булгаковедов, основы сопоставительных исследований и важнейшие принципы переводоведения (В.М. Жирмунский, В.Н. Комиссаров, Ю. Найда, А.С. Макарова, Е.Д. Богатырева).

Поскольку булгаковские тексты неоднократно становились объектом разностороннего интереса филологов, важно было найти свою исследовательскую «нишу». **Новизна работы** проявляется в том, что диссертант смог сказать свое слово не только в разделах, связанных с переводом текста на китайский язык, но и в описании авторских метафорических моделей. Чанг Джуй Ченг отмечает, что «когнитивная теория метафоры чаще всего описывает устойчивые метафоры, которые фиксируются в переносных значениях слов одного языка. И в силу этого возникает вопрос, как следует анализировать авторские метафоры, которые уникальны и наименее стабильны». **Новым представляется и подход** к метафоре как знаку, «соединяющему» адресанта и адресата.

Анализ всех выявленных авторских метафор позволил изучить и описать основные механизмы метафоризации, например, глаголов движения, связанных со зрительным, слуховым, обонятельным и осязательным восприятием (с учетом синкетичности), выделив зрительный канал как ведущий в образовании метафорических значений. Сгруппированность основных метафорических моделей дает возможность в дальнейшем использовать это в технике перевода: повторение в метафорообразовании процессов погашения одних признаков и актуализации других делает поиск смысловых эквивалентов более последовательным и точным. По сути, речь идет о выявлении доминирующих моделей метафоризации для языковой личности писателя.

В исследовании механизмов метафоризации диссертант опирается на дескрипторную теорию метафоры А. Н. Баранова, которая является развитием когнитивной теории метафоры, и стремится определить, на какие сигнifikативные признаки исходного значения опирается метафора. В связи с этим возникает вопрос: денотативный образ для автора диссертации – это неделимое образование (в каждом конкретном описании процесса метафоризации упоминается денотативный образ действия)? Обычно денотативное значение (соотнесенное с предметным миром) или денотативный макрокомпонент содержат микрокомпоненты, которые могут играть в процессе метафорообразования существенную роль (Э.В. Кузнецова, Г.Н. Скляревская, Л.А. Новиков, З.Д. Попова, И.А. Стернин, М.В. Никинтин, В.Н. Телия и др.).

Кроме того, описание сигнifikативных признаков порой является весьма ограниченным и в силу этого недостаточно эффективным. Приведем примеры: «*В глазах его плавал и метался страх и ярость*». В прямом значении слова *плавать* имеются как денотативные дескрипторы (образ представления об этом движении), так и сигнifikативные дескрипторы (повторяемость, нестабильность и т.п.); на основе одного из приведенных выше сигнifikативных дескрипторов «*нестабильность*» возникает метафорическое значение».

И еще один фрагмент анализа: «*Он попытался усмехнуться, но в глазах его еще прыгала тревога, и руки дрожали*». В прямом значении глагола *прыгать* имеются как денотативные дескрипторы (образ представления об этом движении), так и

сигнификативные дескрипторы (повторяемость, нестабильность, интенсивность [резкость], неожиданность и т.п.). На основе одного из указанных сигнификативных дескрипторов «нестабильность» возникает метафорический перенос при обозначении другого явления – психического состояния персонажа».

Сигнификативные признаки, являющиеся донорами метафор, у глаголов *плавать* и *прыгать* общие? Как сочетаются в одном контексте метафоры *плавал* и *метался*? *Метался* применительно к эмоциональной сфере тоже метафора? Какой образ создают эти семантически не близкие метафоры в одном контексте?

В работе есть немало примеров более точного и адекватного моделирования механизма метафоризации, например, в выражении *взор врезается*, представленного в парадигме соотнесения архисем и дифференциальных признаков (см. работы Д.Н. Шмелева), когда погашается ядерный глагольный компонент «физическое действие» и актуализируются семы «острый», «инструмент/предмет», «боль», «психическое состояние» и др.

Отмечу еще одну авторскую удачу: диссертант рассматривает индивидуально-авторские метафоры на фоне системных метафорических процессов. Обычно индивидуально-авторская метафора логически продолжает/развивает/обновляет ряд существующих языковых метафор, либо противостоит сложившейся подсистеме. Возвращаясь к последнему рассмотренному примеру, согласимся с Чанг Джуй Ченгом, метафора *взор врезается* подготовлена метафорической системой языка и предтекстом: *Римский неподвижно посмотрел острым взором на администратора*. Ср. также: *взор/взгляд сверлит, пронзает, колючий взгляд/глаза* и пр.

Думаю, что результаты семантико-когнитивного моделирования позволяют говорить о развитии метафорической модели, которое является результатом творческих усилий языковой личности. Этот интересный исследовательский сюжет может быть развит в нескольких актуальных и интересных направлениях.

Анализ языковых и авторских метафор дает представление о метафорической деятельности языковой личности: автором диссертации выявлена и проанализирована метафорическая подсистема текстовой парадигмы, в которой есть доминирующие и единичные модели.

Замечательно, что диссертант видит не только горизонтальные, но и вертикальные связи текста, способствующие точному прочтению метафоры.

Профессиональный анализ процессов метафоризации в художественном тексте позволяет автору, как нам кажется, выявить и так называемые любимые метафоры писателя, связанные с глагольной семантикой движения: «*встревоженная вопросом истина со дна души на мгновение прыгает в глаза <...>*» [Мастер и Маргарита 2011: 174]; «*<...> но в глазах его еще прыгала тревога, и руки дрожали*»; «*В горящей его голове прыгала только одна горячечная мысль о том, что<...>*» [там же: 183].

Эти и многие другие наблюдения представляются **ценными и значимыми для практики перевода и для составления словаря языка** М.А. Булгакова.

Диссидент професионально и точно работает с синонимическими средствами языка как в анализе метафорических единиц текстовой парадигмы, так и в выборе наиболее подходящего эквивалента для переводной версии текста. Ср.:

Лунный свет омывал – диссидент учитывает семантическую специфику булгаковского слова и предлагает в качестве смыслового и стилистического эквивалента китайское слово «очистить грязь» (грязь в прямом и переносном значениях): (букв. ‘промыть грязь’), а также (букв. ‘омыть духовный мир’); (букв. ‘омыть грязь души’).

В целом отмечу очень хорошее знание и чувство языка. Очень привлекательны «отступления» от описания сугубо лексической парадигмы и хорошие попытки проанализировать текст комплексно, учитывая и моменты синтаксического строя, непосредственно связанные с той или иной метафорической темой: «Но если мы обратим внимание и на синтаксис, окажется, что в оригинале наблюдается применение деепричастного оборота, обозначающего добавочное действие при основных, а в этих трех переводах представлены лишь действия одно за другим» (о высказывании *Ночь летела, сдирала...*) (с.161).

Оираясь на работы булгаковедов, Чанг Джуй Ченг выявляет ключевые образы текста (луна и солнце; ночь, темнота, тьма; зеркало/зеркальность и пр.) и работает с их метафорическим представлением. Ср., например, глагольные метафоры, используемые для интерпретации восприятия лунного света: лексика движения и перемещения (*качаться, подниматься, разливаться, разбрзыгивать, затоплять*); глаголы проявления качественного или количественного признака (*кипеть, вскипать, хлестать*); глаголы изменения качественного или количественного признака (*разрастаться, созреть*); глаголы эмоционального проявления действия (*играть, танцевать, шалить, неистовствовать*) и др.

Диссертант отлично чувствует и профессионально анализирует такой авторский прием, как столкновение лексических микропарадигм в тексте: Чанг Джуй Ченг пишет о столкновении прямых и метафорических значений в лексической организации текста. Напомню высказывание Н.А. Кожевниковой, которая называет отличительной чертой языка Булгакова чередование прямого и переносного смыслов слова и считает, что «такой переход от слов в прямом значении к метафорам и обратно дает возможность выстроить смысловые связи не только в одном тексте, но и в разных произведениях писателя». Я позволю себе пару примеров, поскольку, как мне кажется, именно в этой области диссертантом найден интересный поворот в описании метафорической системы художественного текста. Речь идет о контрастном употреблении прямых и метафорических значений глаголов движения в смежных текстовых фрагментах: *Покинув верхнюю площадку сада... он по лестнице спустился... повернулся направо и вышел к казармам... выехали повозки, взяли на запад, вышли из ворот... и пошли по тропинке сперва на Вифлеемскую дорогу... дошли до перекрестка у Хевронских ворот... двинулись по Яфской дороге, по которой... проходила процессия с осужденными // Все было кончено... Га-Ноури уходил навсегда... Все та же непонятная тоска, что ужে приходила на балконе, пронзила все его существо. ...Пилат прогнал ту мысль, и она улетела... мелькнувшая, как молния, мысль... Бессмертие... пришло бессмертие...*

Последняя глава, посвященная социолингвистическому анализу взаимодействия читателя с текстом, должна быть отмечена особо: совсем немного специальных исследований, авторы которых бы стремились проанализировать фигуру адресата художественного текста, его уровень прочтения текста и проникновения в авторский замысел. Если к подобной проблематике обращаются литературоведы, то в большинстве случаев читателем Достоевского будет, например, Владимир Сорокин. Рецептивная поэтика преимущественно ориентирована на прочтение художественного произведения другим писателем. Поэтому экспериментальная составляющая в диссертационном исследовании может быть оценена высоко и на уровне замысла, и на уровне исполнения. Наибольшую ценность, как кажется, представляют результаты эксперимента, проведенного в китайской аудитории. Этому способствовала система вопросов, предлагаемых информантам: «Какой вариант перевода Вам больше всего понравился и

почему?», «Если Вы были бы переводчиком, как Вы бы перевели это предложение?», «Есть ли в китайском языке подобные выражения?». К каждому вопросу предлагались варианты перевода русского текста.

Это вполне успешная попытка выяснить степень сближения оригинального и переводного текстов, степень семантической близости эквивалентных единиц, а также и неизбежные «зазоры» в системе метафорических представлений носителей двух языков.

Работа с русской аудиторией представляется менее продуктивной, поскольку (как не раз подчеркивает сам Чанг Джуй Ченг) функции метафоры не исчерпываются экспрессивной и эстетической функциями. Хотя, конечно, эксперимент свидетельствует о том, что читатель, по крайней мере, видит метафору.

Несмотря на всю многогранность работы, диссертанту удалось сохранить целостность, стройность и логичность изложения, однако при этом не всегда удалось избежать досадных повторов (одни и те же примеры из текстов), кроме того, совершенно излишним представляется многократный зачин при анализе каждой метафорической единицы: «Согласно дескрипторной теории метафоры А.Н. Баранова...».

Обоснованность и достоверность полученных научных результатов обеспечивается большим объемом проанализированного языкового материала, профессионализмом в работе с разнообразными языковыми источниками, а также серьезной и современной методологической базой исследования.

Выскажем некоторые возникшие вопросы и замечания.

Рассматривая механизм метафоризации, автор работы пытается в каждом случае актуализировать моменты семантического согласования или рассогласования: «Метафорическое высказывание всегда нарушает правило семантического согласования денотативных компонентов значений лексем в их сочетании». Напомню, что у В.Г. Гака выделен еще один тип смысловых отношений – несогласование. Применительно к метафорической единице, возможно, стоит рассматривать этот процесс как многоступенчатый: действительно, *свет и затоплять* (как и прочие «водные» образы), казалось бы, не согласуются, нет компонентов, которые бы семантически «сцепились» друг с другом. Однако во многих европейских языках существуют устойчивые модели уподобления света/цвета/запаха/звука водным образом: *текут, плывут, разливаются, затопляют* и пр. (см., например, книгу о метафоре Г.Н. Склеревской). Обнаруживается семантическое согласование на качественно другом уровне, когда распространение света в пространстве мыслится как распространение воды, появляются общие семы «движение/распространение» и «качество/скорость/ритм этого движения». Добавлю, что М. Булгаков существенно развивает и обогащает систему «водных» метафор, которые являются узуальными для русского языка.

И еще один вопрос: рассматривая процессы метафорообразования, учитываете ли Вы периферийные, выводные, неяркие, ассоциативные семы исходного значения, которые вполне могут стать «донорами» для образования метафоры? Приведите, пожалуйста, примеры.

В качестве пожелания в дальнейшей работе: к тексту диссертации прилагается очень большой список использованной литературы. Рискну сказать, что этот список в чем-то избыточен, в него включены порой случайные статьи и диссертации, однако в нем нет работ М.О. Чудаковой и Б.М. Гаспарова о творчестве Булгакова, работ В.Н. Ярцевой, И.А. Стернина, О.А. Корнилова и др. по контрастивной лингвистике и сопоставительному анализу языковых картин мира.

Высказанные вопросы и замечания не влияют на общую положительную оценку

диссертации, которая представляется законченным, самостоятельным, интересным научным исследованием, посвященным решению актуальной проблемы современной метафорологии: описанию метафорической системы художественного текста в когнитивном и коммуникативно-прагматическом аспектах.

Автореферат и опубликованные работы адекватно отражают содержание диссертации.

Диссертация Чанг Джуй Ченга «Метафоризация в художественном тексте (на материале произведений М. Булгакова и их переводов на китайский язык)», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка, является научно-квалифицированной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей существенное значение для филологической отрасли знаний, и полностью соответствует п. 9, 10 «Положения о присуждении ученых степеней», а ее автор достоин присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка (филологические науки).

Т.А. Трипольская, доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры современного
русского языка и методики его преподавания
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
педагогический университет»
3 октября 2016

Трипольская Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания, г. Новосибирск, 630126, ул. Вилойская, 28, корпус 3, кабинет 306; тел.: (383)2440630; ifmip@nspu.net.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет», Новосибирск, 630126, ул. Вилойская, 28, www.nspu.ru, (383)2441161, nspu@nspu.net.

Список статей

1. Трипольская Т. А. Языковая личность К. И. Чуковского: моделирование эмоционально-оценочной картины мира / Т. А. Трипольская // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 25. – С. 205-217.
2. Трипольская Т.А. Моделирование ментальной структуры "восприятие запаха" в русской языковой картине мира / Трипольская Т.А. // Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение. Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. - С. 50-60.
3. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Повесть Дж. Сэлинджера «Catcher in the rye» и ее переводы на русский и итальянский языки: экспрессивное слово в структуре художественного текста / Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. // Сибирский филологический журнал. - 2011. - № 2. - С. 187-196.

